

Юрий Степанов, действительный член Российской Академии наук, главный научный сотрудник Института языкознания, автор книг по типологии русской культуры

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

При ответе на этот вопрос важно понимать, кто на него отвечает. Я считаю себя специалистом по философии культуры, и, конечно, это будет сказываться в моих ответах. Философия культуры имеет некий собственный стиль изъяснения. Этот стиль и стиль ваших вопросов несколько различны. Стиль вопросов я бы назвал капитальным, глобальным. А в философии культуры нет столь доминирующих терминов, но множество более частных, мозаичных понятий. Мой стиль – стиль историка и теоретика культуры. Я веду семинар под названием «Современная философия языка» – название условное, но закрепившееся за целой областью науки.

Так вот, отвечая на первый вопрос, могу сказать, что отождествляю себя с чеховской традицией русской культуры. Чтобы лучше понять, что это такое, можно назвать контрастную традицию – традицию Льва Толстого. Толстой, конечно, грандиозная фигура, сопоставимая с такими фигурами, как Гете или Ганди. Но толстовская традиция в наше время мало кем разделяется. Прежде всего потому, что Толстой – не только писатель, но и носитель учения – толстовства. И здесь многие его суждения сейчас вряд ли кем-нибудь могут быть приняты. Прежде всего его филиппики против искусства, особенно против Шекспира...

- Ну, и против Вагнера, против, например, оперы или симфонии как жанров...

Да-да, но Вагнер-то между прочим сейчас более действен в русской культуре, чем Толстой. Толстой далек сегодня от рядового культурного русского человека, а Чехов близок ему по разным линиям, по разным параметрам. И более всего как носитель определенной морали. Может быть, вы помните, что в своем завещании, обращенном к сестре, Чехов говорит: «Береги мать, помогай бедным, живите мирно». Вот три этических постулата, которые, думаю, готов разделить с Чеховым любой русский человек. И как это далеко от толстовства с его враждебностью к христианству...

- Скорее не к христианству, а к церковным институтам...

Верно, но дух враждебности все же присутствует.

- А вам представляется, что чеховская традиция имеет ныне какое-то продолжение в русской культуре?

Традиция Чехова передается не буквально, не через тезисы, а через то, что он создал. Это живое культурное, литературное наследие, и особенно в области театра. Сейчас многие известные, активно действующие театральные деятели в Европе считают, что есть только два автора, достойные реальных действий в наши дни, то есть новых постановок – Шекспир и Чехов. Отрицаемый Толстым Шекспир, видите, оказался в одной «обойме» с Чеховым.

В чем продолжение чеховской традиции? Попробую дать не прямой, а «мозаичный» ответ. Чехов запечатлелся в таких вроде бы небольших, но очень важных явлениях, которые я как исследователь называю концептами русской культуры. Эти концепты очень интересны. Приведу пример. Когда я учился в школе, а это было очень давно, нам объясняли, что в разных областях русской культуры имеются параллельные явления. Осенние сумерки Чехова параллельны осенней музыке Чайковского в его «Временах года» и осенним пейзажам Левитана. И вот, в 1943 году Пастернак пишет стихотворение, впоследствии ставшее знаменитым. Оно концентрирует внимание читателя на какой-то «дольке» русской культуры. Стихотворение это называется «Зима приближается» и представляет собой, если можно так сказать, противовождение против страха, защиту против ужасов войны. Вот первые строфы:

Зима приближается. Сызнова
Какой-нибудь угол медвежий
Под слезы ребенка капризного
Исчезнет в грязи непроезжей.

Домишки в озерах очутятся.
Над ними закурятся трубы.
В холодных объятьях распутицы
Сойдутся к огню жизнелюбы.

Обители севера строгого,
Накрытые небом, как крышей,
На вас, захолустные логова,
Написано: «Сим победиши».

Чем же «победиши»? Ощущением ценности русского. Кончается же стихотворение двумя строфами про «книгу русской культуры»:

И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.

Октябрь серебристо-ореховый,
Блеск заморозков оловянный,
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

Смотрите, что же помогает русскому человека избавиться от страха перед войной? Среди прочего, чеховские осенние сумерки – именно так вошел Чехов в русскую культуру, компонентом того, что потом заново открывается Пастернаком и делается уже его культурным концептом.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Я считаю такой эпохой серебряный век. Этот термин, как известно, возник в поэзии, а потом распространился на другие искусства. В период от начала 20-го века до Первой мировой войны, может быть, до революции 1917 года, в России появилось множество талантливых личностей во всех областях искусства, культуры. Почему еще так важен этот период? Мне кажется, потому, что русский серебряный век создал противовес страшному явлению, которое уже обрисовывалось тогда на горизонте и вскоре нагрянуло, – советской, и особенно сталинской, культуре. Советское не победило в сознании русских людей, русского общества потому, что ему заранее судьбой и историей было дано противовесие. Традиции серебряного века были так сильны, что сталинизм не смог взять эту крепость, внутри ее сохранялись прежние культурные представления.

- Некоторые из отвечающих на наши вопросы распространяли серебряный век хронологически гораздо дальше 1917 года, иногда вплоть до 60-х – 70-х годов, до тех пор, пока были живы его представители в России и за рубежом, их ученики...

И это правильно, причем как для собственно творчества, так и для его изучения. Некоторое время назад я работал в Германии, в Мюнстере, там до сих пор жива школа Кандинского. Вы, конечно, помните, что первое теоретическое сочинение Кандинского – «О духовном в искусстве», созданное в 1910 году, в серебряном веке, – было впервые опубликовано в Германии и на немецком языке.

3. Как сказались на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Есть английское *bon mot*: «у нас, то есть у англичан, с американцами все общее, кроме языка». Вот так же различаются, хотя и не в крупном плане, язык ваших вопросов и моя терминология. Вы используете более глобальные термины, например, «завершение». Для меня никакого завершения советского периода не было, он просто рухнул. Завершение означало бы создание некоего культурного монолита, который передается дальше, – вот как передает свое наследие серебряный век. А советский период рухнул, и ничего особенного вперед не передал. То есть передал в отрицательном смысле: остались его наследники, которые теперь ходят на демонстрации. А в целом, рухнул, и слава Богу – пришла другая эпоха.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

В крупном плане я этого не ощущаю, в мелочах – да, и эти мелочи в основном положительные, но не более чем мелочи.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Может быть, какие-то поползновения есть, но на самом деле опека не восстанавливается, и она не нужна. Нужна помощь русской культуре на государственном уровне, а не опека. Помощь же находится скорее в параличном состоянии.

- И ничего не меняется здесь в последние годы?

Меняется, но, знаете, это похоже на то, как в цветном витраже замещаются какие-то стеклышки, а витраж в целом остается, как был.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Этот вопрос для меня самый сложный, я раньше об этом как-то не думал. Само понятие культура уже элитарно, ибо культура по смыслу слова означает продукт тонкой обработки чего-то. Элитарность – ключевое слово к понятию культура. Народность же в этой оппозиции – своего рода фон, точнее, материал, то, что обрабатывается инструментами культуры. Получается, что элитарность и народность – в итоге понятия противопоставленные, даже в какой-то мере антагани-

стичные. Если мы возьмем народность типа хора Пятницкого, оркестров народных инструментов – то, конечно, это очень далеко от элитарности...

- *А к народности, вам кажется, это близко?*

Мне кажется, да.

- *А вас не смущает, что в данной оппозиции можно ныне скорее говорить о «массовости», чем о «народности»?*

Народность в современном понимании и подразумевает массовость – большой хор, большой оркестр. В этом смысле народность тоже противостоит элитарности, и не благостно противостоит. Элитарность – нечто утонченное, обработанное индивидуальными мастерами.

- *А как насчет классической концепции народности?*

Вы имеете в виду уваровскую формулу «самодержавие, православие, народность»?

- *Ну, хотя бы ее. Или вот высказывание, приписываемое Глинке (хотя не факт, что он именно так говорил), насчет того, что «музыку создает народ, а мы, художники, ее аранжируем»? Здесь народность не противопоставляется высокому искусству...*

Ну как же, видите: народ создает, кто-то обрабатывает, а продукт обработки – элитарность, преобразование народности.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Я понимаю свою деятельность как возвращение сделанного мною и моими коллегами, вообще всем составом русской интеллигенции, всего ею сделанного, всего продукта ее деятельности – в народ. Видите, у меня на столе лежит книга Давида Фридриха Штрауса *Жизнь Иисуса*, выпущенная в первом варианте в 1830-е годы. Эта книга сыграла огромную роль в развитии немецкой протестантской церкви и немецкой культуры вообще. Прошло 30 лет, в течение которых Штраус неоднократно подвергался острой критике, и вышло новое издание книги с прекрасным заголовком: «Жизнь Иисуса. Книги первая и вторая, обработанные для немецкого народа». «Обработанные для народа» – вот в этом смысле надо рассматривать и нашу деятельность. Мы обрабатываем что-то в культуре, обрабатываем так, чтобы это могло быть возвращено русскому народу и принято им.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Еще прежде всякого философского осмысления понятие «глобализация» связывалось для меня с драками и побоищами, которые происходили в ряде европейских стран между сторонниками и противниками глобализма. К нам теперь тоже перебрались эти побоища. Но я-то сам за глобализм: меня привлекает концепция глобальной экономики, потому что она параллельна концепции глобальной культуры. А ее я понимаю как свободное общение людей культуры по всему миру, такое общение, которое вырабатывает общие ценности. После упомянутых выше побоищ я предпочитаю не высказываться по проблеме глобализма, но в принципе остаюсь при своем мнении: мир един, и это очевидно.

- А вас не смущает, что глобализм может поглотить то, что столь прекрасно звучит в прочитанных вами стихах Пастернака?

То есть национальное. Многие так считают и видят в этом опасность. Как литуанисту мне приходится часто бывать в Литве, и там это очень чувствуется. Но все же меня подобное нивелирование национального не пугает. Думаю, что его не будет. И это подтверждается не теорией, а реальными жизненными наблюдениями. Я преподаю в университете, имею дело с молодежью, занимающейся разными типами культуры. И вижу, что где-то в глубине национальное неискоренимо, оно проступает вновь и вновь, в любых условиях.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства, и как это сказывается на русской культуре?

В глобальном смысле не сложились, а потому никак особенно и не сказываются. Люди стали ходить в церковь, крестить детей. Это скорее решение личных проблем. В науке тоже обсуждается проблематика, связанная с церковью, но пока большого места она не занимает.

- Многих наших собеседников смущает то явление, которое характеризуется ими как слияние церкви и государства. А вас оно не смущает?

Нет, я думаю, что православная и католическая церкви всегда тяготели к взаимодействию с государством.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Опять глобализованный стиль вопроса, подразумевающий такой же стиль ответа. Но реальность не дает материала для обобщенных суждений. По-моему, завершения определенного этапа нет. Возникает множество новых явлений, масса деталей, которые пока не складываются в глобальные картины и в глобальные ответы на такой вопрос. Вот о новых тенденциях, проступающих в жизни, уже можно говорить.

Изменилось к лучшему то, что появилось множество свободных личностей со своими свободными суждениями. Конечно, стало лучше, чем было. Но что-то и пропадает, а именно, то, что Достоевский гениально выразил формулой «Если Бога нет, значит – все дозволено». Это мы и видим в современной русской культуре в связи с освобождением личности – вседозволенность. Что касается искусства, то в нем тоже изменилось понятие свободы художника, но не возникло новых больших концепций.